

Размышления по поводу Определения о передаче № 305-ЭС24-24318 от 31 марта 2025 года

В данном деле, судя по тексту определения, ставится интересный вопрос о законности договора, который сторонами назвали займом. В силу договора один индивидуальный предприниматель дает коммерческой организации денежные средства (2 млн. рублей) в целях инвестирования в некий коммерческий проект, организация обязуется вернуть тело долга в течение нескольких месяцев путем осуществления 4 ежемесячных траншей по оговоренному графику (причем первый транш возврата 25% долга должен состояться буквально через 2 месяца после предоставления денег). Особенность в том, что вместо обычных процентов в фиксированном размере, уплачиваемых за период использования заемных средств, стороны согласовали, что встречным предоставлением будет перечисление заемщиком займодавцу ежемесячно 20% от чистой прибыли бизнес-проекта, на развитие которого предоставлялись те самые 2 млн рублей, но не менее 100 тыс. рублей в месяц. При этом данные выплаты должны были начаться после возврата тела долга и продолжаться вечно, пока организация-заемщик не ликвидируется.

Заемщик деньги получил и, судя по постановлению первой кассации, в срок их не возвратил, отчеты о доходах не представлял, вознаграждение займодавцу ни в виде процента от прибыли, ни в виде минимального ежемесячного платежа не выплачивал. Займодавец потребовал погасить основной долг и присудить к уплате минимального платежа в 100 тыс. в месяц, а также неустойки за просрочку в оплате и штраф за непредставление отчетов, начисляемый за каждый день непредставления отчетов. В резолютивной части решения суда первой инстанции почему-то не упоминается взыскание основного долга, говорится лишь о взыскании вознаграждения, пени и штрафа. То ли все-таки основной долг был погашен в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции, то ли тут какая-то ошибка. Если основной долг был погашен, то не вполне понятно, почему суд первой инстанции в резолютивной части решения указывает на взыскание пеней за просрочку во внесение платежей и штрафов за каждый день непредставления отчетов за период после вынесения решения и *до фактического исполнения решения суда*. Имел ли суд в виду, что он присуждает к осуществлению таких платежей на бессрочной основе вплоть до ликвидации должника?

Впрочем, меня здесь интересуют не эти детали, а сама правовая квалификация заключенного договора.

Здесь возникает несколько вопросов

1. Законна ли договоренность о встречном предоставлении, причитающемся за предоставление возвратного финансирования, в размере процента от прибыли?

Подобный тип договора встречается на практике нередко. ВС РФ уже рассматривал такую сделку и признавал ее законной, хотя и воздержался от ясной квалификации договора (Определение СКЭС ВС РФ от 14.12.2017 № 305-ЭС17-7826).

У меня нет никаких сомнений, что такая договоренность, которая привязывает размер встречного предоставления к эффективности использования полученного от другой стороны предоставления, вполне законна. Такие договоренности встречаются повсеместно от условий договора аренды, привязывающих размер арендной платы к части полученных в результате использования предмета аренды доходов, плодов или

продукции (что прямо допущено в ст. 614 ГК РФ), до самой обычной условия о роялти в лицензионном договоре.

Нет никаких причин, почему так не может быть сформулировано условие о размере вознаграждения, причитающегося в обмен на предоставление денег на возвратной основе.

2. Противоречит ли заемной квалификации договора то обстоятельство, что вознаграждение за предоставление целевого займа представляет собой не обычный годовой процент от капитала, а процент от прибыли, полученной от инвестирования предоставленных средств?

Уплата годовых процентов по той или иной ставке не является квалифицирующим признаком займа, так как заем может быть и беспроцентным. Поэтому, на мой взгляд, если возврат тела долга гарантируется, а вознаграждение наличествует, но выражено нетрадиционным образом в виде процента от прибыли или дохода от использования целевого займа, то перед нами все еще целевой заем, хотя и специфический.

Совсем иная ситуация была бы налицо, если бы возврат тела долга не входил в программу договора и финансирующая сторона несла бы риск потери инвестиции в силу ее неэффективности: в такой ситуации соглашение уже не вписывалось бы в прокрустово ложе займа и следовало бы говорить о товарищеской договоренности или непоименованном договоре инвестирования на началах риска¹. Но в данном деле деньги предоставлялись на возвратной основе, какого-то участия инвестора в управлении проектом, судя по всему, не предусматривалось, и поэтому не логично говорить о стандартном простом товариществе. Думаю, что в подобных ситуациях можно говорить о займе. Согласование переменного и зависящего от эффективности полученного предоставления характера вознаграждения не препятствует нам видеть аренду, комиссию, доверительное управление, лицензионный договор или обычное возмездное оказание услуг. Мы не квалифицируем такие сделки как простое товарищество. Для такой квалификации требуется нечто большее, чем просто гонорар успеха, привязанный к величине последнего. Нет причин, почему иначе должно быть с займом.

3. Противоречит ли существу займа то обстоятельство, что вознаграждение не привязано к периоду использования финансирования и более того уплачивается после того, как финансирование подлежало возврату?

Обычный процент, традиционный для заемных сделок, представляет собой вознаграждение за предоставление права использования финансирования и это вознаграждение привязано к периоду возможного использования. Соответственно, после возврата тела долга проценты не начисляются.

Но значит ли это, что стороны не могут договориться о том, что заемщик в качестве встречного предоставления за предоставление займа будет осуществлять некое длящееся предоставление в период после возврата финансирования? Перед нами уже не проценты по смыслу ст. 809 ГК РФ. Но, как представляется, запрещать такую договоренность нет серьезных причин. Стороны могут договориться о том, что А дает Б некую сумму на год с возвратом, а Б будет три года ухаживать за огородом А. Или стороны могут согласовать, что сейчас А предоставляет беспроцентный заем на три

¹ Вопросы разграничения подобных конструкций пока в российском праве плохо проработаны. В зарубежных странах они также вызывают споры, но изучены несколько лучше. В частности, см. специальную немецкую монографию на сей счет: *B. Mack. Die vertragliche Beteiligung Dritter am Gewinn der GmbH. 2022*

месяца, а встречным предоставлением будет то, что Б позднее будет обязан предоставить А аналогичный беспроцентный заем при востребовании со стороны А. Такие нестандартные и смешанные вариации вполне приемлемы. Ограничение свободы договора в этом отношении просто неконституционно.

4. Нормально ли условие о выплате вознаграждения (в том числе в виде процента от прибыли, полученной в результате инвестиций за счет заемного финансирования) до ликвидации организации-заемщика?

Судя по всему, именно этот аспект спорного договора привлек внимания судьи, передавшей дело на рассмотрение Коллегии.

В определении о передаче упомянуты аргументы кассатора о возможности блокирования такого условия на основании ст. 428 ГК РФ и ст. 10 ГК РФ о защите слабой стороны от навязывания несправедливых условий. Но эти аргументы невозможно признать убедительными. Данный договор был заключен между коммерсантами, займодавцем выступил ИП, а заемщиком - коммерческое общество, договор, судя по всему, не заключался по модели договора присоединения и трудно себе представить, что такой инвестиционный и крайне специфический договор заключался в условиях явного неравенства переговорных возможностей и злоупотребления ИП своей подавляющей переговорной властью, а коммерческий заемщик был слабой стороной договора. В общем, я, конечно, не видел материалов дела, но тезис кассатора о применимости правил о защите слабой стороны выглядит странно. Судя по всему, Коллегия его не поддержит.

Но Коллегия явно чувствует, что такое условие ненормально и пытается найти правовое основание для ограничения свободы договора.

Честно говоря, меня тоже такое условие о вечном начислении вознаграждения, да еще и в качестве предоставления за крайне краткосрочное долговое финансирование смущает. Такая структура сделки выглядит абсурдно и наводит на разные спекуляции по поводу истинных целей столь экстравагантного оформления отношений. Возможно, ИП на самом деле оказал обществу какую-то иную скрытую услугу, в счет которой ему причитается доля в прибыли, но это домыслы. Если отбросить все домыслы на сей счет, в сухом остатке мы имеем вечное обязательство с потенциально беспредельным объемом встречного предоставления. По сути, по задумке сторон займодавец за счет предоставления возвратного краткосрочного финансирования превращается в тайного участника общества без обычных корпоративных прав и как-минимум юридической возможности участия в управлении.

И здесь мы сталкиваемся с вопросом о том, а допустимы ли подобные вечные обязательства, из которых должник не может вырваться.

Во многих странах вечные обязательства без права на немотивированный отказ от договора согласовывать запрещено. Например, в силу ст. 1210-1211 ГК Франции вечные договорные обязательства (фр. - *Les engagements perpétuels*) не допускаются и поэтому при согласовании таких обязательств каждая из сторон вправе отказаться от договора с предоставлением разумной отсрочки.

Аналогичное регулирование отражено в п. 2 ст. III.-1:109 Модельных правил европейского частного права: «Если договорная обязанность предполагает длящееся или периодическое исполнение, а условиями договора не предусмотрено, когда договорное отношение прекращается, или предусмотрено, что оно вообще не прекращается, оно может быть прекращено любой стороной при предварительном уведомлении, сделанном в разумный срок. При определении разумности срока может быть учтен промежуток между исполнениями или встречными исполнениями».

Действительно, на мой взгляд, состояние вечной связанности сторон относительным правоотношением без права вырваться из этой связи по общему правилу противно духу обязательственного права и сковывает экономическую и личную свободу непропорционально. Могут быть, видимо, признаны какие-то исключения, но их контуры мне пока не вполне очевидны. Как общее же правило неприятие вечных обязательственных связей представляется вполне приемлемой идеей. Законодатель всегда может легализовать ту или иную подобную конструкцию (например, ст. 27.5-7 Закон о рынке ценных бумаг легализовала вечные облигации), но свобода сторон произвольно ограничивать свою, своих наследников и их потомков автономию навечно не может не быть ограничена.

Эта идея отвержения правом вечных обязательств может быть индуцирована на основе ст. 610, 1010 и 1051 ГК, а также ряда иных норм ГК РФ, дающих возможность одностороннего отказа от бессрочных договоров.

Мне уже приходилось писать в поддержку выведения права на немотивированный отказ на основе аналогии права или закона в отношении бессрочных обязательственных договоров². Данную позицию поддерживают также и некоторые другие ученые (например, И.С. Чупрунов³, А.А. Кузнецов⁴ и др.). Отголоски этой идеи могут быть обнаружены в известном определении по делу ООО «Яна Тормыш» (Определение СКЭС ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912). Но до сих пор в четком и ясном виде мысль о том, что вечное обязательство без права должника отказаться от него не может быть по общему правилу согласовано сторонами и что любое бессрочное обязательство имманентно подразумевает право должника на немотивированный отказ от договора как минимум по истечении разумного срока, не была закреплена на уровне практики ВС РФ. Возможно, это стоило бы сделать. Почему бы не в связи с данным делом?

При этом было бы справедливо говорить о том, что право на отказ от бессрочного обязательственного договора возникает у сторон не сразу же после совершения сделки, а по прошествии разумного срока. В данном случае очевидно, что такой отказ не мог быть совершен заемщиком ранее, чем начисленное и причитающееся займодавцу вознаграждение нарастающим итогом достигнет справедливого уровня (например, хотя бы уровня самой суммы исходно предоставленного финансирования). В ином случае заемщик, вернув само финансирование, мог бы за счет своего отказа вовсе оставить займодавца без вознаграждения и трансформировать структуру отношений в безвозмездную сделку, что нелепо.

Карапетов А.Г., доктор юридических наук

29 апреля 2025 года

² Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2018. С. 101

³ Чупрунов И.С. Начало "новой жизни" в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 8. С. 25 - 68

⁴ Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. С. 90 - 91